

Много радостного было в моём детстве, но особенно я был счастлив, когда мой папа рассказывал нам с сестрой сказки, которые называл «небылицами». И я тоже люблю рассказывать сказки. Сначала своим детям, а потом и ребятам из нашего прихода, когда мы выезжаем на природу.

Не судите строго, если найдёте в книжке какие-либо исторические неточности. Князя я специально не называю по имени, чтобы читатель не искал подтверждения событий в хрониках. Сына кузнеца-язычника зовут христианским именем Фёдор — так не должно быть. Но ведь это сказка! Да и образ сорванца Феди я писал со своего сынишки, а его зовут именно так.

Я представлял себе, как века назад на былинном пиру сидит седой сказитель и, перебирая пальцами струны гуслей, неторопливо повествует о великих князьях и богатырях, варягах и печенегах, молитвах и сражениях.

А двое мальчиков слушают с замиранием сердца рассказы о подвигах и пытаются найти для себя место в этих удивительных приключениях и древних временах...

Было это давным-давно. Веке в одиннадцатом, а может, и того раньше. Верстах в пятидесяти выше великого Киева впадала в Днепр небольшая речка, а выше по течению этой речки стояла деревня. Очень большая по тем временам. В ней жило много всякого народа, в том числе два друга, мальчики лет девяти. Того, что чуть постарше, звали Фёдором. Был он живым, беспокойным, никогда не унывал и всё время придумывал разные игры и проказы. Так что его отец — а он был деревенским кузнецом — старался занять Фёдю работой.

Надо сказать, что кузнец, да и вся его семья считались в тогдашней деревне совершенно особыми людьми. Все крестьяне пахут, сеют, жнут, занимаются огородом, а у кузнеца нет на это времени. Он куёт ножи, топоры, лемехи, лопаты, дверные петли, задвижки и прочую железную утварь, которую никто сам для себя сделать не может. За это ему крестьяне платят продуктами: пшеницей, репой, морковкой, мёдом или сотканной дома тканью. Кузнеца все очень уважают и немного побаиваются. Он живёт на краю деревни, в некотором отдалении, потому что его работа связана с огнём, а где огонь, там всегда может быть пожар. В деревне дома стоят вдоль дороги, по одной линии, и, если ветер дует со стороны пожара, может сгореть вся деревня. Кузнеца никто не трогает и не обижает, потому что, во-первых, он обидится и не будет делать, и чинить, и затачивать металлические вещи, а без них невозможно работать; а во-вторых, потому, что кузнец обычно в деревне самый сильный. С раннего детства кузнец учится у своего отца, как тот учился у деда, одной рукой держать клещи с раскалённым куском железа, а другой рукой бить тяжёлым

молотом, и руки у кузнеца сами как стальные клещи и стальные молоты. Поэтому ни к нему, ни к его жене и детям никто не пристаёт, побаиваются.

Фёдор, чувствуя свою безнаказанность, постоянно бедокурил и проказничал. То откроет загон, выпустит коз или коров и погонит в лес. То напялит чью-то старую одежду, встанет за огородным пугалом, дождётся, когда хозяйка подойдёт поближе, и как выскочит с криком и визгом — бедная женщина долго ещё потом приходит в себя... Не стеснялся он, к несчастью, и подворовывать, считая, что беды в этом нет, коли не попался. Особенно любил утянуть что-нибудь вкусное, сладкое.

Единственное, чего ему не хватало для полного счастья, — это друга, которого он мог бы учить своим проказам. Но не

такого же забияку, как он сам, а кроткого, чтобы смотрел на Фёду и всё от него перенимал. Федин выбор пал на мальчика Алёшу, который жил на другом конце деревни. Он тоже был не такой, как все, и к его семье тоже относились со страхом и уважением, но по-другому, потому что Алёшин папа был священником, звали его отец Василий. Священник — это было в те времена что-то совершенно неслыханное. Дед рассказывал Фёдору, что никаких священников раньше на Руси и в помине не было, и церквей не было, а вот появились храмы, и стали люди туда ходить. Каждая деревня разделилась: одни приняли новую веру, другие — нет. Кузнец не принял, потому что не собирался отказываться от знаний, полученных от отца и деда: в них входили и тайные заклинания, которые надо было читать перед тем, как выплавить кусок металла, и заговоры на топор, или нож, или наконечник стрелы, копьё, чтобы они лучше разили врагов. Всё это странный Лёшин папа, отец Василий, называл колдовством и считал нехорошим делом.

Но так уж получилось, что Фёдору приглянулся именно Алексей. Он был, может, и не такой сильный, как Федя, но тоже паренёк крепкий. А при этом тихий и кроткий. Поскольку в деревню его отец и мать с тремя братьями и двумя сёстрами приехали не так давно, у Алёши тоже не было друзей. Его никто не обижал, потому что отца Василия почитали как нового колдуна и побаивались — вдруг он у себя в храме что-нибудь такое сделает, что потом не поздоровится, — но и играть маленького попovichа не звали.

И вот два таких разных мальчика подружились. Фёдор вводил Лёшу в тонкости своего озорства, учил всяким безобразиям. А при этом ему нравилось, как Лёша говорит серьёзные вещи. Правда, Лёша наотрез отказывался воровать. Сначала это Фёду забавляло, а потом стало раздражать. На войне ведь

как — набежали воинственные кочевники — печенеги, всё отобрали, теперь это принадлежит им, можно спокойно пользоваться. Пошли наши, догнали печенегов, отобрали у них своё да ещё чужое прихватили — и отлично, а как иначе? Алексей же говорил: «Нет, так нельзя». И всё-таки Феде с ним было хорошо. Он умел слушать, умел слышать, и когда у Фёдора на душе скребли кошки, а он пытался прятать грусть за какими-то выкрутасами, Лёша всё чувствовал и понимал. Феде очень нравилось, что друг всегда знает, что с ним происходит.

Однажды в деревню приехал гонец из Киева. Он объезжал всё княжество и звал крепких мужчин и юношей на службу в княжескую дружину. Вообще-то княжеская дружина — это не просто отряд ополченцев: отец молодого княжича собирал крепких мальчиков отовсюду — из боярских родов, из простых крестьян тех, кто посильнее да посмекалистее, — и с самого детства они дружили с князем и между собой, потому так и называется — «дружина». Они вместе ходили в походы, на охоту, вместе постоянно тренировались — под руководством лучших старых опытных воинов учились владеть всеми видами оружия: мечом, ножом, стрелять из лука, метать копьё и боевой топор. Много лет они постигали боевые искусства, и когда молодой князь занимал отцовский престол, у него уже была собственная сильная, обученная дружина.

Княжеский гонец стал посреди деревни, ударили в било — так делали, чтобы всех созвать, когда случался пожар, или нападали печенеги, или, как сейчас, надо было выслушать княжеский указ. На звон била собралась вся деревня, и гонец зачитал указ о наборе воинов в княжескую дружину. Юноши заволновались — кто же из них не мечтал стать дружинником! И работать не надо, знай маши мечом да стреляй из лука, и воевать научат, кормить и поить будут, одёжу дадут,

а может, со временем удастся с убитого врага снять кольчугу... Кольчугу просто так не купишь, она стоит столько, сколько дружиннику за пять-шесть лет не заработать, и лучший способ её добыть — одолеть противника. Хотя как победить опытного воина, у которого кольчуга уже есть? Если нет мастерства, нужна или очень большая сила, или очень большое везение... Ну да ладно, попасть в княжескую дружину уже было огромным счастьем.

Все юноши, кто ещё не женился — женатых не брали, потому что нельзя отбирать у семьи кормильца, — выходили, становились перед княжеским гонцом, и тот их проверял. Проверял так: сам настоящий богатырь, он размахивал большой жердью, оторванной от забора, то понизу, то поверху. Причём очень хитро: два раза махнёт понизу, три — поверху, раз — понизу... Нужно было быстро нагибать голову, когда жердь шла сверху, и высоко подпрыгивать, когда гонец целился в ноги. И тот, кто смог долго продержаться, считался прошедшим первое испытание. Таких было мало, одни крепко получили по голове, другие — по ногам. Потом надо было показать хотя бы самые начальные навыки владения мечом. А этого из крестьян никто не умел. Пришлось им махать оглоблями. Постепенно почти все отсеялись; одним не хватало быстроты и ловкости, другим силёнок. По каким-то своим меркам посланец князя всё же отобрал из большой-пребольшой деревни трёх юношей. Счастливые, они простились с родными, поцеловали, обняли плачущих матерей. Получили напутствие от отцов. Положили в котомки немного еды, что дома нашлось, взяли кое-какую одежду и навсегда покинули отчий дом.

Федя с Лёшей смотрели на них и завидовали. Они были потрясены и тем, как держался посланец князя, и всем его видом. Какие на нём были доспехи — кольчуга, нарукавницы,

какой красоты меч и лук, какое копьё приторочено к седлу могучего, с длинной гривой коня!.. И как он выдрал огромную жердь из забора и размахивал ею, словно тростинкой!

Мальчишкам очень захотелось стать воинами. И они забросили все свои дела и стали придумывать, как бы им добраться до князя и научиться воевать. Понятное дело, пешком не дойти. Коней никто не даст, да и верхом ехать опасно: коней отберут, а детей, которых некому защитить, вполне могут украсть и сделать рабами — холопами. Особенно страшно было попасться печенегам... А отряды воинственных кочевников то и дело совершали набеги на соседние деревни. От мысли добраться до Киева пешком ребята тоже быстро отказались. И тут Федю осенило:

— А давай сделаем плот — мы же живём на речке!

Лёша задумался.

— Ведь наша речка впадает в Днепр? — спросил Федя, прищурившись.

Когда он так щурился — значит, придумал что-то интересное и спорить с ним бесполезно.

— Ну, я слышал, что впадает, правда, далеко отсюда.

— Но течение-то нас туда принесёт?

— Принесёт.

— Значит, доплывём до Днепра?

— Точно доплывём. И в Киев!

— И там пойдём к князю!

— Плыть будем ночью, чтобы нас никто не поймал. А днём где-нибудь под кустами прятаться, в ивняке, и спать.

— Вот это ты здорово придумал! — обрадовался Федя. — Я больше всего люблю ночью что-нибудь делать, а днём спать. Если бы папа не звал меня постоянно в кузницу, я бы только ночью жил — ел, гулял, а днём спал. Правда, мой папа против...

— Мой тоже, к сожалению, против, — сказал Лёша. — Хотя сам ночью молится.

— Чего-чего делает?

— Читает молитвы, с Богом разговаривает.

— Не понимаю, как с Богом можно разговаривать. Богу надо жертвы приносить, просить чего-нибудь.

— Папа говорит, что он приносит жертву, только бескровную.

— Какая жертва без крови? Не понимаю. И вообще, не обижайся, но папа у тебя какой-то неправильный. Вот мой — правильный, ты только глянь, какие у него ручищи...

Разговоры о Боге обычно у них этим и заканчивались, хотя, конечно, что-то в Федину душу западало. Всё-таки ему было интересно, чем занимается Лёшин папа. Он иногда ходил смотреть — но тот, одетый как все, пахал своё поле. А мама возилась в огороде. Как остальные деревенские. И только в субботу, вымывшись в бане, Лёшин папа надевал длинную, до пят, непонятную одежду и шёл в церковь. И чем-то занимался там до позднего вечера, а потом и в воскресенье до полудня. Федя хотел было посмотреть, но кузнец запретил ему даже входить в храм. Сказал: «Не ходи, тебя там околдуют, и мы сына потеряем. Тебя могут украсть, сделать другим!» Поэтому Федя на самом деле очень боялся Лёшиного папу. Но и уважал — очень добрые у того были глаза. Совсем не похож он был на тех колдунов и волхвов, которых Федя видел.

— Ну хорошо, мы уплывём и доберёмся до князя, — сказал Лёша. — Но как же мама? Она будет плакать. Подумает, что мы утонули!

— Вот и прекрасно! — Федя совершенно не смутился. — Пусть себе думает, что мы утонули, тогда нас не будут искать и не догонят. Давай оставим на берегу одежду, как будто мы

пошли купаться, — и всё, прощайте! А потом, когда мы с тобой станем прославленными воинами, приближёнными князя, то вернёмся домой, всё расскажем, и они нас поймут. Представляешь, приезжаем мы, такие же, как тот гонец, машем жердью! Уж я бы всем залепил, у меня бы никто не перепрыгнул, поверь мне...

Федя мог говорить об этом бесконечно. Но серьёзный Лёша прервал его:

— Нет, с мамой нехорошо получается. Надо подумать. Разве можно? Она плакать будет. И отец плакать будет, и братья, и сёстры. Я не могу.

И всё-таки Федя его уговорил.

